

Санкт-Петербург Интеллигент

Международная литературно-публицистическая газета. №1 (1) Зима 2012 г. <http://provintelligent.ru>, spb-intelligent.web.officelive.com
Газета выходит один раз в месяц. Контакты для участия и сотрудничества, E-mail: spb.intelligent@gmail.com, provint.pashckov@yandex.ru

ПРЯМОЙ ИНТЕРНЕТ-ЭФИР

11 декабря из студии в Филадельфии состоялась прямая Интернет-трансляция литературных чтений на русском языке. Это уже не первая прямая трансляция, организованная Объединением русских писателей США (ОРЛИТА) из Америки. Новую форму работы с аудиториями очень высоко оценили как сами участники мероприятия, так и зрители.

В режиме прямого эфира многочисленными Интернет-зрителями задавались вопросы участникам, поэтов приветствовали из десятков городов и разных стран мира.

В Интернет-видеомосте приняли участие поэты из США, России, Украины и Австралии:

Алавердова Лиана (США), Дубровина Елена (США), Крофтс Наталья (Австралия), Лайдинен Наталья (Россия), Литинская Елена (США), Огнева Нина (Россия), Сутулов-Катеринич Сергей (Россия), Шарга Людмила (Украина).

Провела встречу хозяйка Литературной гостиной, профессор Пенсильванского университета, Вера Зубарева.

В дальнейшем Интернет-трансляции, соединяющие авторов по всему миру, будут продолжены.

Поздравляем всех сотрудников и участников изданий «Интеллигент»(ов) с успешным дебютом и участием в этом мероприятии!

Интеллигент.

Анонс

Уважаемые авторы и читатели изданий медийной группы «Интеллигент»!

В связи с тем, что наш проект не коммерческий, не поддерживается государственными структурами, а члены редакционной команды работают на основных местах работы, сообщаем следующее:

С 2012 года издание «Интеллигент»- Санкт-Петербург будет издаваться ежеквартально. Но редакционный коллектив не сужает проект, а активно ищет более удобные формы реализации его развития. В этом году нами планируется запустить в печать журнал «ИНТЕЛЛИГЕНТ» (избранное). Главным куратором и редактором первого номера журнала назначена Наталья Крофтс (Австралия).

Первый выпуск нового журнала будет полностью посвящен лучшим работам русскоязычных авторов-эмигрантов..

По всем вопросам участия в проекте следует обращаться к Наталье Крофтс или на почту редакции изданий «Интеллигент».

Сергей ПАШКОВ

Учредитель медийной группы «Интеллигент»

Спор с рецензентом, или Нежной варварской речи навстречу

Земную жизнь пройдя до половины, каждый из нас очутился кто где. Если учесть, что продолжительность жизни с 14-го века увеличилась и зенит божественной параболы поднялся выше, то позволительно думать, что нам подарена – или одолжена – отсрочка, – за которую, правда, и больше спросится.

Поэт В. Брайнин-Пассек, автор вышедшей в 2009-м году в издательстве «Алетейя» книги стихов «К нежной варварской речи», оказался во вполне достигаемой географической дали, сумрачном лесу неметчины, но в центробежно обособленном пространстве окраины родного языка. Если вопреки традиции довериться автору, как проводнику, и позволить себе стать ведомым при чтении этой книги, то по пути траектории её стихов, выстроенных в обратной хронологии, возникает странное щемящее чувство: словно ты движешься между двумя зеркалами, бесконечно отражающими твой путь и сохраняющими твоё к себе приближение и неукоснительно уравновешенное удаление от себя же. От себя – прежнего? К себе – настоящему? Или – наоборот? Ибо лицо и затылок, прошлое и будущее, сказанное и невысказанное, достигнутое или утраченное, в своей отраженности дают вытянутый

абрис луча смычка, звучащего в бесконечном легато, вектора, столь длинного, что глаз принципиально не различает точки его начала, «стрелы, летящей днём», говоря словами псалма.

Естественно, не каждое стихотворение в подборке может быть читающим воспринято одинаково, но каждое несет в себе безусловную индивидуальность поэтического дыхания человека, его задумавшего, создавшего и отпустившего на волю божью. Интонация вдоха поэта, только набравшего взлёт творческого затакта (в конце сборника) узнаваема в совершившемся выдохе первых (суть позднейших) стихов книги, помещенных соответственно в её начале. Обещание, которое узнаёшь, познав сперва его свершение, не обманывает полнотой своей отдачи.

Прежняя созерцательность стиха «Окно разбитое не выйдет в сад» оборачивается позже деянием: «Задул я свечи, распахнул окно»; то ли же это разбитое окно? И если да, то распахивать разбитое окно, чтобы прозреть и увидеть, – акт нетривиальный, и здесь, как в жизни, «которая везде», тоже присутствуют отражения и рефлексии.

«Немые отражения скользят, снуют до горизонта и назад» – и, акустически и зрительно, тонкой, как след от лезвия на льду, лигой, – как дивно это смыкается с малюткой конькобежцем из «Картины Ван де Вельде».

Горчащая ирония бытия «Африканских строф» и противостояние предсмертной волне в «Lines» – как заранее, давным-давно, оправданы они прозрением, высказанным, словно вскользь, но поистине афористичным: «Когда художник в споре со Вселенной – один из них, должно быть, нехорош».

Выбор – кто же? – читатель может совершить и сам.

Эта книга, как и ассоциирующаяся с нею стрела девяностого псалма, оперялась не однажды, успев снискать удивительное и проникновенное благословление на полёт от А. Тарковского (<http://magazines.russ.ru:8080/znania/2003/6/brain.html>), а, уже воспарив, обрела пожелание попутного ветра и от А. Кушнера (<http://magazines.russ.ru:8080/kreschatik/2009/2/bra5.html>).

Тем непостижимей прозвучал не нежный, но достаточно варварский отклик на неё Т. Зоммер, очевидно, за полчаса перелиставшей эти стихи, написанные – для неё – на некоем русском зарубежном языке (http://exlibris.ng.ru/poetry/2009-12-17/7_izvilliny.html).

Встретив в сети подобный отзыв, спрашиваешь себя, об одной и той же ли книге идёт речь. Вот уж воистину: «Не тот хозяин, кто бросал зерно». Т. Зоммер и её прямая, как рельсы, речь представляют поэта человеком, пребывающим в сытой удалённости от российских «перипетий», посему реалий не знающим, а если наездами и бывающим в Москве, то лишь с целью обогатить свой хваткий слух цитатами из школьной программы по литературе. (Потом он ловко это перепевает, обладая некоторой музыкальностью, правда, «коверкает» и даже «кувыркает», чтобы замаскировать источники, ибо самостоятельно что-то придумать не в состоянии.)

Высказано это дамой, обладающей тягой к звуковым аллюзиям. Тягой такой силь

Гость номера: В. Брайнин-Пассек

О ПОЭЗИИ И НЕ ТОЛЬКО

- Участвуя в ноябре 2011 года в фестивале разноязычных поэтов в Брюсселе, послушав испанцев, французов, фламандцев, иранцев и прочих, читавших свои стихи на соответствующих языках, я вновь утвердился в мысли, что русская поэзия по-прежнему ставит самые высокие языковые задачи, строго судя других, но и относясь по высшему разряду требовательности сама к себе: в форме, структуре и содержании. Для стихотворения на русском языке мало простого интонационного восклицания или томления в размытом лирическом пруду без ритма и строя, недостаточно медитативного самовыражения в свободной – вялой или экспрессивной – форме. Планки русской поэзии высоки. Знакомо ли тебе это чувство – ужаса необъятности высоты и предвкушения непосильной, и потому прекрасной, задачи русского стихосложения?

- Ужаса никакого нет. Есть удивление, если вдруг стихотворение состоялось. Что до русской поэзии, то она отличается от западной, как отличалась и советская академическая музыка от академической мировой. СССР был некими культурными консервами, и композиторское творчество долго продержалось в русле девятнадцатого века. Шостакович по сути принадлежит к 19-му веку, в то время, как век 20 – это, например, Веберн, послевоенная польская школа и тому подобное. Болгарские, польские, словацкие стихи, в силу своей причастности к славянским языкам, возможно, менее подверглись инновациям, а итальянские, американские, английские, немецкие рифмованные стихи – это теперь или стихи для детей, или сатира, или реклама. Поэзия спустилась к детям, как в своё время и многие писатели, когда-то писавшие для взрослых, например, Жюль Верн, Майн Рид и прочие. Пожалуй, только русское стихотворение может читаться велух и быть таковым воспринято, в то время, как условно-мировое стихотворение ушло в письменность. Природа русского стихотворения близка к песне. Тем не менее, и русская поэзия находится в кризисе: имитируя песню, построена она, однако, столь сложно, что воспринять её на слух непросто.

- Значит ли это, что авторская песня следует песенной природе русского стиха?

- Пожалуй. Российские барды стали в какой-то степени проводниками поэзии для той публики, которая к собственно поэзии относилась хоть и с должным пиететом, но без жгучей потребности в ней. Барды брали в том числе и чужие стихи, пересказывая их с помощью несложной музыки. Бродский, как кажется, понимал, что роскошь писания столбиком мешаёт остроте восприятия – даже можно вспомнить, как он читает свои стихи: он их воет, как будто поёт – соответственно своему внутреннему слуху.

- Однако от текстов столбиком, к примеру, отошел Быков, который пишет стихи погонными метрами.

- Чтобы текст столбиком воспринимался остро, он должен быть очень качественным, очень плотным, там не должно быть мусора исключительно для размера и рифмы. Но тот же приблизительный стихотворный текст в строчку, имитирующий прозу, будет восприниматься острее, поскольку таким образом, во-первых, сбивается инерция восприятия, когда глаз выхватывает целую строфу, не вчитываясь в неё, а, во-вторых, менее заметны швы и мусор.

- Цветаевский вопрос: где обитает душа? Марина Ивановна, будучи молодой, говорила: «она есть, и я точно знаю, какая она у меня – она овальная, посередине груди». Где твоя душа и овальная ли она?

- Ну ты и вопросы задаёшь, однако. Допустим, что я готов об этом задуматься... У меня чувство, что моя душа обитает вне меня, она – что-то вроде радиоволны, которую посылает вечный передатчик, не буду называть его по имени. Радиоприёмник, настроенный именно на эту волну, когда-то выйдет из строя, а волна будет продолжать распространяться в некоем энном измерении.

- В наши сетевые дни все обзавелись живыми журналами, щебетаниями с друзьями, приросли так называемыми друзьями, и поэты, разумеется, тоже. По моему наблюдению, это не более, чем повтор альбомов старинных барышень. Журнал – это по сути сбор и засушивание нескончаемых комплиментов от собственных приятелей: «Наташа – ты супер!», «Старик – ты гений». Хозяина альбома – подразумеваются – можно только хвалить, всё прочее считается порчей прекрасных страниц, рисованием рожиц, загиганием углов и вообще поруганием шедевров. Критику не выносятся, распеваются, подолгу выкрикивают мантру «не нравятся – не читай», «нечего ходить по чужим журналам» и тому подобное. Спрашиваю себя, а теперь и тебя: в чём плюсы такого вот опубликования своих произведений и их всенародной доступности, если обратная связь разрешена – в лучших государственных традициях – только гимническая? Вообще: что выиграло и что потеряло наше поколение, оказавшись на сломе ранее необходимого «меня напечатали!», когда тиражи, издательства и бумага постепенно уходят в тень?

- Слова «меня напечатали» потеряли смысл. Стихи свободно пасутся в инете и сами себе находят пути – что тоже не приносит практического ничего. У них должна быть аудитория. Но всё же не цирковая – так мне, уже немолодому ретрограду, кажется. У меня был случай: литературный критик Катя Дайс предложила мне участвовать в хеппинге, что-то вроде диалога тёзок. В этом проекте выступают обычно несколько Елен или Александров, ну понятно. А как моё имя «Вилли» не самое распространённое в России, то в напарники мне предложили известного полиглота Вилли Мельникова. Но мне тексты Мельникова категорически неинтересны, это, на мой вкус, просто мертвечина, шарлатанство, причём скучное. Я со своей стороны предложил Вилли Токарева – если уж стёб, так стёб. У него хоть какая-то жизнь в песенках присутствует. А я бы подобрал что-то в контраст не самое занудное из своего. Но Токарев был для организаторов неформат, что я тоже понимаю. И мы с Катей в итоге оба от этой затеи отказались.

- Балансируя всю жизнь между полюсами музыки и слова, узнавая, что поэты читают только себя, а музыканты знают только то, что сами играли, разочаровываясь и в тех, и в других, скажи: что может быть спасательным кругом, если он есть? Бросать ли его другим или пользоваться самому? Не разочаровывает ли такая цеховая замкнутость?

- Я в своё время больше разочаровался в иллюзии бессмертия культуры. По молодости кажется, что культура «большого стиля», Гомер, Шекспир, Бах, Рембрандт – всё это будет вечно, рукописи не горят и так далее, и что я тоже кладу свой маленький кирпичик в это сооружение, даже если мой кирпичик будет там незаметен. Но происходит то, о чём писал Гессе в «Игре в бисер»: грядёт «фельетоническая эпоха». Под фельетоном в Европе понимают не сатиру, но поверхностно-информативные тексты о том, о сём, отчасти гламурные, отчасти литературные. Сначала эта эпоха наступила на Западе, а потом и у нас. Антониони и Бергман умерли с разницей в один день, а вместе с ними и большое кино. Я люблю многое в современном кино, но это уже не «большой стиль», а постмодерн, конечно. У меня есть статья «О постмодернизме, кризисе восприятия и новой классике», её многократно цитировали, в сети найдёшь. И в этой статье есть сравнительная таблица «модернизм-постмодернизм». Согласно моим представлениям, модернизм ещё относился к «большому стилю», поскольку искусство для него было чем-то серьёзным. Это, конечно, не значит, что несерьёзное

Майя Шварцман
Бельгия

Родилась в Екатеринбурге, закончила консерваторию. Стихи публиковались с 1984-го года. Из России уехала в 1990-м году. Живёт в Бельгии, скрипач Симфонического оркестра Фландрии. Официальный представитель изданий «Интеллигент».

AL FINE DA CAPO *

Сыну

Но ты, моя радость, —
ты тлена тогда избежишь,
когда не останется больше
ни света, ни тени,
когда разойдётся и дым
от бывших пепелищ,
а память о пепле затопчут
следы поколений.

Сказать ли тебе, чтобы правду
и явь уличить,
о горькой причине рожденья,
о боли зачатья, —
иль скрыть все улики
и в космос забросить ключи
сгоревшего дома, а сердце,
как дверь, опечатать?

Твоё появление собою зенит моих рифм
отметило высюю и,
стихосложенья помимо,
словесность в живое
творение преобразив,
смягчило и мой приговор,
переправив: невинна.

Не ты ль, воплощённая нежность,
смешение вер,
религий и рас освятил?
И прывыше законов
твой лютневый смех,
затмевающий музыку сфер,
мерцающий свет молока
на щеке твоей сонной.

Тебя ли забыть и бесследно
исчезнуть дано
тебе ль, средоточию счастья,
в сиянии слёз ли
младенческих или улыбки —
и вместе равно
прекрасному?... нет, ни сейчас,
ни когда-нибудь после.

Истоки обид обмелеют, усилья стиха
планету с широт безутешности
сдвинут на градус,
прилив обернётся отливом,
и время стихать
настанет страстям и утратам, —
но ты, моя радость...

*Музыкальный термин, обозначающий, что, доиграв до конца, нужно вернуться к началу

* * *

Стосковавшейся, нищей рукой
огибая оглоблю с
тетивой, то есть — осью земной,
обнимаю весь глобус —

весь клубок узловатых путей
с тупиками развилоч, —
прижимаюсь всей жизнью своей
и целую в затылок.

Я целую на нём наугад
океаны и сушу,
если эти просторы таят
до сих пор твою душу,

все названья и надписей рой,
россыпь мелкого шрифта,
я целую — всю землю с тобой,
если где-то да жив ты.

* * *

Прижившись на поле вполне,
значком вопросительным зыбясь,
волнуясь, кричит на стерне
из песни детсадовской чибис.

И свищет с ограды шегол,
вкрапляя свои флажолеты
в медовое тремоло пчёл,
в нагретую музыку лета.

А дома в саду на траве
играет и кружится дочка,
и голос взлетает наверх
и чибису вторит — точь-в-точь, как

порхает летучий волан
над запахом гелиотропа,
и воздух над ним пополам
разрезан ракетки синкопой.

И вслед за сопрано в зенит
взмывает пернатая флейта
и острой догадкой звенит,
что скоро откроется: чей ты.

* * *

Без слёз и боли, не крича,
теряют вещи назначение.
Перо, чернильница, свеча —
набор «Остановись, мгновенье».

Со мной, хранящей всё равно
им всем наивную присягу,
одни отели заодно,
держа конверты и бумагу.

* * *

Утративший меня, с тобою
твоя утрата
прощается, и я открою
тебе глаза так,
как закрывают на прощанье
другим и прочим.
Но ты не рядовым, а крайним
был, каждой ночью —
недосыгаемым, при свете —
и вовсе дымом,
а в слове на ветру — как ветер
неуловимым.

Как голос невесом — оковы
речей бесплотны.
Я за тобой могла б в крестовый
лететь поход, но
не скованная ни зарокон,
ни сном, ни сплетней,
я прерываю слов мороку
на срок столетний,
я закрываю счёт наитьям
в слепых обидах,
чтоб, жизнь с тобой расторгнув,
выйти
как тихий выдох.

Душа, лети из оболочки,
как вон из ряда,
помилования — отсрочки —
просить не надо.
Усилием ещё одним и
опять последним
забудь о том, что молодыми
мы были в летнем
году, и уступи без боя
затем, что больше
мне не с кем жить: ведь ты со мною
навек и дольше.

Александр Мельник
Бельгия

Родился в 1961 году в Молдавии. Окончил Московский институт геодезии, аэрофотосъёмки и картографии (по специальности «морская геодезия»). С 2000 года живёт в Бельгии. Доктор наук. Публиковался в поэтических сборниках и журналах Бельгии, Великобритании, Израиля, Латвии, России, США и Финляндии. Автор книги стихотворений «Лестница с неба» (2010 г.). Автор проекта и организатор Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира» (<http://www.emlira.ucoz.com/>).

* * *

Из парка тянет сыростью и прелью...
У местных леших дел неупорот —
болотной краской пишут акварели.
С промокших крон несутся птичьи трели,
а гуси лужу переходят вброд.

Перед прудом развязные каштаны,
берёзку в лёгком платье обступив,
ей отпускают шутки неустанно
и сыпят этим самым соль на раны
давным-давно состарившихся ив.

Дожливый край —
чем пасмурней снаружи,
тем больше в доме ценится уют.
Здесь по воде шагают, как по суше,
зато до блеска вымытые души
друг друга реже грязью обдают.

Понурый дом стоит напротив парка.
Я в нём живу второй десяток лет.
В стране дождей ни холодно, ни жарко,
но нить судьбы мне выпряла тут Парка,<

Страны Бенилюкс

Анастасия Андреева
Бельгия

Родилась в 1973г. в Ленинграде. Образование высшее экономическое. Переехала в Бельгию в 2004 году. Живет в Брюсселе. До эмиграции работала по специальности, в Бельгии некоторое время работала консультантом по русскому языку на фламандском телевидении.

Сейчас пишет стихи и прозу для детей и взрослых.

Публикации: «Новая Юность», «Веселые картинки», русско-норвежский журнал «Современник», сборник финалистов конкурса «Эмигрантская Лирика 2011».

Лауреат конкурса «Эмигрантская Лирика 2011».

* * *

Невозможно думать о той части пути, которая еще не пройдена,
Но Постовой отнесет меня в
сухопарой горсти к краю леса дотемна.
К синему краю векового
соснового океана,
Из чьей пены я вышла когда-то
и снова чьей пеной стану.

Это единственное, что достоверно
известно о будущем времени.
Переправу там сторожит корабельная
рать королевскими елями.
Даже закатится, за стену свалится,
Шалтай все болтает.
Вылетит слово, покрожит, поищет -
прибьется бы к стае.

В пути

Ты знаешь все давно,
что знаю я недавно,
Но дальше, выше слышен тебе звук.
Не передать ни соловью,
ни фортепьяно
И уловить его лишь можно вдруг
В глубинах неземного океана.

Единственную ведаешь дорогу,
Ведущую до края и за край.
Ты подожди, я отдохну немного,
На восходящих тропах козерога
Мне не угнаться за тобой, мой Кай.

Слуга стихий — ты равен сам стихии.
В твоих руках волшебные ключи.
Но ты меня одернешь: замолчи,
Услышат снежной ведьмы палачи
И закуют в оковы ледяные.

Пора спешить, сжимает кольца Хронос.
Успеть бы до прихода темноты,
Пока еще я помню — это ты
Дарил мне по утрам жемчужный лотос,
Пока еще я помню — это ты...

Обратное

Чем больше тайн, тем меньше ожиданий,
Тем тише ход часов.
Пиши, мой друг, о свете мироздания,
Раскладывая по полочкам улов.

Мы не проснемся вместе после завтра,
Не сможем завершить свое вчера,
Нас унесут ручные леопарды
В дремучие надзвездные леса.

Чем больше тайн, тем проще
жить без цели,
Себя изъав из цикла передач,
Отдач, подачек - забывает мяч
Другой игрок.... Сварил уху Емеля,
Прогуливая сказочный урок.

* * *

То, что я думала — оставила при себе
И несла эту думу, точно мешок с
картошкой,
Через паутину осенних улиц, к реке,
Гладкой, глянцевои, черной,
как тетради обложка.

Так навеки и застряла в голове картинка:
Иду, сутулясь от ноши
своей неподъемной,
Натыкаюсь, как на остров,
на Мариинку,
Меняю курс, нахожу переулочек укромный,
Мой угол заветный - переулок Пирогова,
Мой дом... Вот и встретились снова,
Детство мое в снежинках.

Сусанна

Дни призрачны в белесой мгле туманов.
В канву декабрьских
празднеств замкнут город.
Выращивать стихи сейчас не впору,
Займись-ка вышиванием, Сусанна,
И поплотней задерни в спальне шторы.

Мы спрячемся от холода и скуки,
Мы скормим фениксу остатки года
И будем слушать песни антиподов,
Счищая с зимних мандаринов шкурки...
А знаешь, смерть бывает и при родах.

А знаешь, мне неважно,
быль иль небыль,
Все смешано и все смешно на деле.
Как страхи мне твои осточертели,
Ведь, если бы не ты, я здесь бы не был.
Ну ладно, что-то мы давно не ели,

Неси, Сусанна, пирогов и водки,
Отметим окончание сезона.
Под мягкое шуршанье граммофона
Мы будем наблюдать, как возле елки
Подарков ждут горгульи и грифоны...

Зачем в Европу завела меня, Сусанна?

Переход

Сто морей, сто звезд, сто слов врзлет.
Прейскурант составлен,
и расходы все учтены.
Осень ветрами наотмашь бьет,
И идут по небу беломраморные слоны.
И идут по небу эшелоны домов,
Из распахнутых окон слышно,
как закипает чай,
Как бормочет радио,
а кухарки кричат: банзай!
За неимением более точных слов.

Из этих окон-миров летят
Окурки папирос, клочки писем,
обрывки фраз.
Иногда, пожеван и помят,
Выглянет генерал отдать
какой-нибудь приказ
Своим безропотным и слепым солдатам.
Они рядами летают вокруг домов,
не боясь,
Что вот-вот оборвется
неба лучезарная вязь
Отставкой вслед за генералом поддатым.

А пока они кружат строем,
Невинны в стремлении приказ
исполнять,
Их кухаркам мир перестроить
Не помешает супружеская кровать.
Кухарки над старыми картами
Сидят сутулясь при свете
керосиновых ламп,
Чертят углем границы
и ставят именной штамп,
Произнося одними губами: топ апі.

Так и переходит через небо
осенне-зыбкое
Процессия из домов и летящих
на ощупь солдат.
Беломраморные слоны
возглавляют парад.
И бессмертие — дарит надежду
с улыбкою.

Купчино

Трамвай пересекает
плоскость пустырей.
Разбросаны дома небрежными горстями.
С какого-то двора доносится: налей!
Июнь. Жара. Старушка
в розовой панаме
Несет домой в кошелке лук
и сельдерей.

Термометр в тени дарует двадцать семь,
Но ветер-гуманист сквозит
по Бухарестской.
На рынке тетки, преодолевая лень,
Торгуют, будто втихаря,
паленкой местной.
И хочется на море абсолютно всем.

Марина Гарбер
Люксембург

Родилась в 1968 году в Киеве. В эмиграции с 1989 года, жила в США и Европе (Италии и Люксембурге). Закончила с отличием аспирантуру денверского университета (штат Колорадо), факультет иностранных языков (русский язык и литература, итальянский язык). Преподаватель русского, итальянского и английского языков в колледжах. Автор четырех поэтических сборников («Дом дождя» (Филадельфия), «Город» (Киев), «Час одиночества» (Филадельфия), «Между тобой и морем» (Нью-Йорк)). Автор более сотни публикаций. Стихи, переводы, рецензии и эссе публикуются в литературных изданиях США, России и Украины («Новый журнал», «Встречи», «Побережье», «Крепшатики», «Интерпоэзия», «Стороны света», «Грани», «Рубеж», «Ренессанс» и др.). Зам. главного редактора литературного ежегодника «Побережье» (Филадельфия). Член редакции «Нового журнала» (Нью-Йорк). В прошлом со-редактор альманаха «Встречи» (Филадельфия). Участвовала во многих поэтических антологиях. В настоящее время проживает в Люксембурге.

* * *

Я иду к тебе поступью тигра — в капкан —
С упоительным рвением, не замечая
Ни людей, затаивших дыханье, ни ран
Мне обещанных... Так обещанием рая
Оправдаются слезы, мозоли и пот
Подневольных на воле, свободных в темнице.
Я иду к тебе медленно: медом из сот,
Что, расплавившись, дышит: струится, струится...

Я иду к тебе: солнце восходит, но я
Не взойду — не спущусь, пусть барьеры — горою!
Я иду к тебе — к пешему пешей: земля
Так идет к себе равному — синему морю.
Пусть припороженный снег замедляет пути, —
Мне и снег — проводник, мне и выюга — подруга.
Я иду к тебе — я не могу не идти! —
Терпеливо и долго: по кругу, по кругу...

И, ослепшая от ледяной белизны,
Долго шедшая — да по отвесному краю,
Из прошедшего — из непржитой жизни — сны
Разожгу, разукрашу да разыграю.
Растревожу! Пурга так пурга! В снегу
Отыщу тебя, в адовой тьме кромешной
И в раю непотерянном... На бегу
Лгу-твержу себе, будто иду неспешно...

А у времени в жилах стоит вода:
Тренированной, смелой рукой хирурга
Выжигает — да по сердцу! — «никогда»,
И кружит между Питер- и Люксем-бургом,
Время жжет: «никогда», «ни один», «нигде»,
Время жжет, и огнем его не согреться!
Будет сердце — кругами, да по воде!
Будет смерть отражением ста Венеций.
...Но качнувшейся капелькой на стекле
Зазвенит (и не колоколом по раю!)
Голос: «Знаешь, как долго я шел к тебе?..»
Звон ответный — и равный — как эхо: «Знаю».

ПОЭМА ОДНОГО

Иногда о тебе, иногда о земле и небе —
То есть о тех, кто рядом и кто — в бесконечности,
Никогда о себе, ибо «я» — это просто Liebe,
Полушутя рассказываю о вечности.
Мой язык не богат на рифмы, все рифмы — мимо:
«Кровь-любовь», «неба-хлеба» — приметы плоти.
По-английски «рифма» — с горчинкой тмина,
А у нас — колючие рифы, вроде
Тех, что теснятся на скалах далеких Греций:
Обомлевший коралл, ни кровинки в шершавом теле —
Наша рифма, красителей или специй
Всего мира не хватит... На самом деле,
Я пишу о тебе, даже если вломилась осень,
Даже если вот так — отвлеченно — о том, об этом.
Если сбивчиво, то не взыщи — так просинь
Разбавляет ночь, не предвидящую рассвета.

Изовьюсь поименному, сброшу кожу
Вместе с тем, что прилипло к ней, прикипело
(В междустрочье прочти, если можешь: ношу;
В междустрочье увидь, если можешь: тело).
Мы с тобою — нигде. Это дух кочевья,
Это легкий, черненный наш крест изгоев.
И в узоры сплетает стволы деревьев
Бог-художник, назвавший картину «Двое».
Мы с тобою — одно. О дно, как оземь,
Как с высот — в глухоту, в немоты провалы —
Разобьемся. Так листья роняет осень,
Так вот слезы... А, впрочем, уже немало
Понасказано на языке, на щедром...
Помолчим? Так «одно» молчит, а не двое.
Мы с тобой — за стотысячным километром,
Где поэмы обходятся без героев.

Помнишь ветер Испании? О, ее несмолкающий ветер!
Обезглавленность пальм на одичавшем пляже.
С Богом все говорят по-испански — дети,
Ветер, море, песок, рыбаки и даже
Пальмы, точнее, то, что от них осталось:
Онемевший ствол — белый столп из забытой сказки.
Нам, как ветру, нужна высота — самая малость.
Мы, как дети, у ветра подслушиваем подсказки.
Иногда я пишу для тебя чужими,
Незнакомыми буквами: будь то «свят» иль «светел» —
Всё едино. Давай воспарим над ними —
До безбуквенности! Как южный испанский ветер...
Направленье не важно, если сильны истоки:
Наводнит, унесет... Предсказание неуместно.
Если дышат отрывисто эти строки,
Значит, слово есть шаг, а бумага — бездна.

* * *

*Человек человеку — Бог!
Л. Фейербах*

Сгорает Рим под чье-то «улю-лю»,
Хрустят, как соль, иссохшие поленья,
И что — мое несмелое «люблю»,
Когда империя томится на коленях?
Ты — эта соль: по горсточке в ладонь
Ссыпаясь и жжешь. Первопрестольно
Сгорает Рим! И ты — его огонь,
Незнающий, что делает мне больно.
А где-то музыка, чеканящий тромбон,
Веселый бубен, «до-ре-ми» базара.
Нет, не огонь, а золото корон,
Не гарь, не дым, а сердце — паром, паром...
Высокий мой, мой статный, облака
Плечами задевающий невольно,
Печет прикосновением рука,
Не ведая, что делает мне больно.
А в переулках — голуби на мед
Последней осени слетаются и кличут:
«Угу-угу...» Ответь, который год
Подряд я умираю?.. Но обычай
Не позволяет просто снизойти,
Сказать: «Пойдем дороною окольной»,
А я могла бы, я могла б идти
Из Рима в Рим, где не бывает больно.
А там, наверно, звон под купола
Сзывает неустанных пилигримов,
«Быть иль не быть», «была иль не была»,
Как коршуны, не мечутся над Римом.
Иду, не уставая от дорог,
Вслед за тобой к столице хлебосольной.
Ведь сказано: не брат, не волк, а Бог —
Тот человек, что делает мне больно.

* * *

...И всё, что ты скажешь потом, оборвется, слетит,
Пойдет под откос, как вагон на крутом повороте.
И всё, что ты сделаешь после, пускай берedit
Смертельно раной — воронкой в таежном болоте.

Потом, когда — точками — язвы над долгими «i»
Улягутся, кровью пойдут, зачернеют на белом,
Мне будут еще вспоминаться обеты твои:
Молчания, верности, преданности — не телом,

А тем, что легко воспаряет над этим столом,
Над нашей вечерей, над

Андрей Корчевский

США. Родился в 1966 году в Алматы, Казахстан. Эколог, доктор биологических наук. В Казахстане опубликованы поэтические сборники «Приближение весны», «Клеопатра, Клеопатра» и «Однажды, навсегда». С 2009 года живёт и работает в США.

Сонет девяти муз

Я заглянул в окно горящее, и вот:
роль у окна зубрит тень дряхлой Мельпомены,
скушает Талия: тесны врата и стены,
и Клио басни врет, что твой ученый кот,

Эвтерпа с флейтою свистят попеременно,
Уrania, скупясь, ведет созвездьям счет,
а с Терпсихоры пот, как с проклятой, течет,
а Каллиопа слез не льет о славе бренной,

у Полигимнии в глазах то мрак, то лесь...
Но кто у зеркала расчесывает здесь
свою чудесную копну под масть заката?..

Увидимся ли мы еще с тобой - Бог весть,
но я запомню все, а ты, моя Эрато,
с безусым бардом вновь забудешь все, как есть.

Суламифь

Над пустыней Негев — все снега да снега,
но, сквозь выюгу, является вдруг
образ твой, эфемернее ткани стиха,
замыкающий огненный круг.
Ты, как вспышка, мое озаряешь жилье,
воскресаешь касаньем перста...
И да будет прекрасно бесстыдство твое,
как прекрасна твоя чистота.

Я с тобой расстанюсь, как обряд сотворив -
возвращаюсь, куда бы ни шел...
Пусть алмазы гранятся для пальцев твоих,
а для плеч будут бархат и шелк.
Будь достойно любима и вечно ничья,
всеохватней струны и холста.
И да будет одежда прекрасна твоя,
как прекрасна твоя нагота.

Но спросите о прежней листве у лесов.
Все, что прошлое, скажут, мертво.
Ненасытный художник иное лицо
нарисует поверх твоего.
Тишина изначальная вступит в права,
лишь архангел разбудит, трубя...
Будет слаще, свежей луговая трава,
но никто не заменит тебя.

Двор консерватории

Вот музыкальный двор. Другим не ровня он.
Нам — пришлым и своим — дарует он в избытке
вальпургиев концерт, гармоний Вавилон,
немыслимый коктейль из Шуберта и Шнитке.

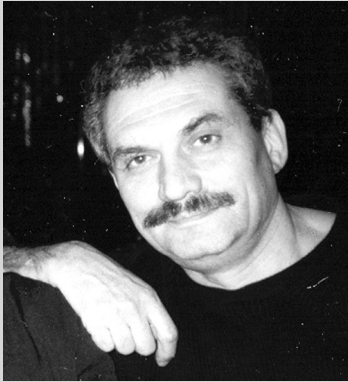
Толпятся звуки тут — причудливо, пестро,
всяк по своим делам, как москвичи в метро.
Из каждого окна — поток страстей и дум,
и в каждом — музыка, а вместе только шум.

...Так пролетает Бог над городом моим,
когда взойдет луна, туман с предгорий слижет,
и тысячи молитв несутся в синий дым,
и все сливаются — он ничего не слышит.

И, опустив глаза, он уплывает прочь:
не вправе нас забыть, не в силах нам помочь.

Сумерки

Ко мне опять вернулись вечера
из прошлого. И вновь пришла пора
воспоминаний, дневников, заметок.
Графичны очертания двора
и первым снегом оттененных веток.
И лужи на асфальте, как слюда,
и горечь с ветром в воздухе струится.
И горожан, спешащих кто куда,
размыты позы, контуры и лица.
Вчерашний дождь был робок, близорук,
а нынче снег повел отсчет с начала.
Природа ли свой совершила круг,
судьба ли дни мои закольцевала.
И хлопья снега с каплями дождя
сливаются в немеркнущие блески —
и, наугад по городу бродя,
мы на одном сойдемся перекрестке.

Георгий Садхин

Родился в г.Сумы. Публикуется в журналах и поэтических альманахах России, Украины, Германии и США. Победитель литературного конкурса 2003 г., объявленного журналом «Весла» (США) и газетой «Новый Меридиан» (США). Издал две книги: «4» (совместно с тремя авторами) и «Цикорий звезд».

* * *

Пионы сажал, чтобы ты улыбалась.
Касались окошка бутоны.
Не в силах сокрыть умиления слабость,
высокие рододендроны
к тебе наклонялись, лишь только завеса
из тьмы пред рассветною аркой
спадала, и утро садилось у леса
с моей самодельною арфой.
Цветные хвосты распускали фонтаны,
когда подходили косули.
Я их рисовал, укрываясь в платаны, —
с холста бы они улизнули.
Еще прилетали певучие эльфы,
и звонкими делались струи.
Синицы держали летучие шлейфы,
когда на соломенном стуле
носил я, касаясь прозрачной рубашки,
и, танца замедлив движенье,
просил извиненья, роняя в ромашки
смущенной души отраженье.

* * *

И осенней порою предстанет нагой
наша улица. Узкой поднявшись дугой
над озябшим районом, стволы-молодцы
поредевших деревьев ее за концы
непрерывно удержат, — так в детстве вдвоем
мы вертели скакалку. В разбуженный дом
шкродный ветер запрыгнет, и даст стрекача
по ступеням наш пес, но сверкнет, горяча,
ограждая, строка и закружит у люстр,
поднимая тебя пятерней моих чувств.

* * *

Лере

Там, где ветер с дождем по широким полям
клонят сочные травы волнами,
ходит юная дева и гривы коням
оплетает живыми цветами.

Голубой акварели добавит мазки
с полотенцем веселое солнце.
И бросает красавица вверх васильки,
и кружится одна, и смеется.

Семь цветов растекаются в небе дугой,
и звенит золотая карета —
это август поделится с маем дудой,
чтобы длилось прекрасное лето.

Белогривые кони катают ее.
Напевают ей белые птицы.
И от счастья бедное сердце мое
разбивают колесные спицы.

* * *

Еловые ветви склонились под тяжестью снега.
Во власти узора морозного блещет стекло.
Героя на

Михаил Этельзон

Родился в 1959 г. в Виннице. Окончил Санкт-Петербургский Политехнический университет и Московский институт патентной экспертизы. Победитель международного конкурса в Брюсселе: «Эмигрантская лира – 2009», лауреат конкурса «Пушкин в Британии 2005», призёр конкурса «Золотая осень 2004», лонг лист конкурса «Заблудившийся Трамвай 2007».

Публиковался в периодике: «Нева»» «Арион», «Новый Журнал», «Интерпоэзия», «Слово/Word», «День и Ночь», «Метро», «Настоящее время», «Чайка», «Эдита», «Новое Русское Слово», «Форвертс», «Труд», «Информпространство» и др. Участвовал в многочисленных поэтических альманахах, изданных в разных странах. Автор книг: «Под Созвездием Рака» и «Соло». В настоящее время живу в Нью-Йорке, США.

Параллельные жизни

Ничего не искрит, не теплится и не лучится, ничего не получится, а ведь могло получиться, но не в этой эпохе, не в этой вселенной, не с нами, мы останемся вдохом и выдохом – нашими снами, наполняя собой их смешные, пустые сюжеты, в разных стенах и стенах,

постелях, альбомах, кассетах, рассуждая, но не осуждая: а если бы только та же Лена, Татьяна, Наталья, Марина и Ольга... Параллельные жизни, а мысли – перпендикулярны, и в узлах или узах осели девчонки и парни. Но мудрец и шутник заполняет заранее ниши, положил и потом предложил он: Лариса и Миша. Не Всевышний – Всенужный,

и этим, конечно, единый, выбирающий и собирающий две половины. Не мешайте, его доказательство – чудные дети, остальное – поэзия, юность, гормоны, диеты. Не искрит, не теплится и не лучится –

уже отгорело... И дымит душа, никуда не греша, рядом с телом.

ГЕНТ

М. Шварцман

Пройдёмся по улицам старого Гента, минув каналы – к его площадям... Из сказки, из мифа, придуманный кем-то он входит под кожу, гостей не шадя. Величием соборов своих подавляя, подвалы сознания вдруг всколыхнёт: не мы ль, очумев от огульного лая, из средневековья спасались в исход. Не здесь ли, испанской короной “хранимы”, вдали от костров находили приют? О, Фландрия, помнишь ли ты моё имя, каким ремеслом я прославился тут?

Взираю на тысячелетние камни, пытаюсь понять я фасады твои: вот церкви – кто строил их рядом веками, вот ратуша – что она в недрах таит? В пожарах и войнах, в чуму и холеру, в отчаянье к небу вздымающий стон, теряя надежду и веру, и веру... какими богами был Гент сохранён? Чтоб снова сюда – от бетона и стали, я не пожалую каналам монет... Возможно, и здесь мои гены остались, но генты, но Генты остались во мне.

Океан

Снова тянет меня к воде – морю, озеру, океану... Там, где крылья свои воздев, чайки в небе бесследно канут, что-то бьётся в моей душе или в генах... Медитирания... Через тысячи лет уже: страны, странствия и страдания.

Места тихого не найти, только грань у воды и тверди поднимает из суеты, вырывает из страха смерти. Атлантический вновь штормит. Брошу в бездну монету, коин. Как бескраен и грозен вид – тоже мечется... Неспокоем.

Поздравляет

Одним из самых интересных мест Москвы является кабачок «Гнездо глухаря». Сюда собираются ценители бардовской песни. Курирует его Культурный благотворительный фонд и клуб авторской песни с тем же названием.

Помещение уютное. Акустика потрясающая. Еще бы! Ведь гитара – дело тонкое, и голос барда не профессионален, поэтому возможны всякие нюансы. Здесь давали концерты Александр Дольский и Тимур Шаов, Сергей Никитин, Юлий Ким, Вячеслав Малежик и многие другие полובившиеся меломанам барды.

В 2011 году при поддержке Председателя Общественного совета клуба А.Городницкого и руководителя клуба А.Ермилова в течение 4 месяцев в несколько этапов проходил бард-турнир «Поют журналисты Москвы». Основным организатором и ведущей бард-турнира явилась Полина Нгангбеа, журналистка НТВ.

Исполнительница авторских песен Светлана Васильевна Савицкая открыла встречу и была представлена Полиной следующим образом:

«Не космонавт. Хотя собрала книгу «Байки о космонавтах».

Выступает от международной медиа-группы газет «Интеллигент» Москва, Санкт-Петербург и Нью-Йорк (США), и «Молодежь Московии», интернет-сайт. Генеральный куратор проекта с десятилетним стажем Национальная литературная премия «Золотое Перо Руси». Президент содружества литературных сообществ, включающих в себя русскоязычные союзы 69 стран мира.

Начинала работу в 1978 году в газете «Знамя коммунизма» с крупных политических очерков. Лет через 15 поняла, что только в сказках в России можно говорить правду. Поэтому кроме журналистики является культовым писателем коротких жанровых сказок и притч. Читатели образовали 15 музеев ее творчества в Подмоскovie, Мордовии, Татарстане, Украине, Сербии, Словакии, Бельгии, Германии. Светлана художник и довольно известный мастер кукол. Портретные эксклюзивные кожаные куклы украшают не только ее музеи, но и коллекции Пьера Ришара, Патрисии Каас, Депардьё, Григория Потоцкого и других интересных людей.

Выступает как ученый исследователь. Таким образом, в числе множества публикаций в периодике и авторских книг не только сказки, но и монографии, результаты экспедиций. Ее диссертация называется «Символ как социально-культурный феномен управления». Собираательница сказок, легенд, народных и бардовских песен, обычаев, тостов – объездила всю Европу с творческими встречами.

Она спела высоким мощным сопрано под двенадцатиструнную органную гитару две свои авторские песни «Новогодний сон» и «Посвящение Высоцкому».

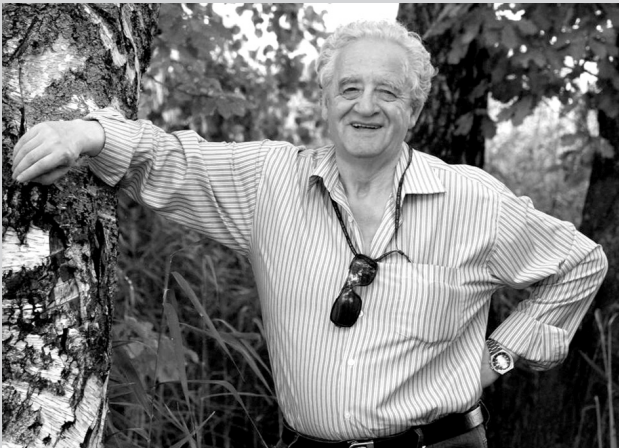
В зале зашуршал приглушенный шепот: «Почему вы не предупредили, что пение будет профессиональным?» – возмутились некоторые журналисты.

Далее более четырех часов пели авторские песни под сопровождение гитар и караоке достаточно известные журналисты Москвы, например:

Ан

Александр ЛЕЙФЕР

Коренной омич. Закончил отделение журналистики историко-филологического факультета Казанского университета. Печататься начал в 1962 г. в университетской многотиражной газете «Ленинец» и казанской республиканской газете «Комсомолец Татарии». Начиная с 1967 г., работал в СМИ Омска. В этом же году стал членом областного литобъединения при Омской писательской организации. Участвовал в областных семинарах молодых авторов (1970 и 1972), семинаре очеркистов Сибири (Новосибирск, 1976), Всероссийском семинаре молодых критиков (Подмосковье, Малеевка, 1977). Автор документальных книг «Сибири не изменю!..» Страницы одной жизни» (о П.Л. Драверте. Новосибирск, 1979), «Прошлое в настоящем. Очерки» (Омск, 1984), «...Буду всегда жива». Документальное повествование о Валентине Бархатовой и её друзьях» (Омск, 1987), «Удивительная библиотека. Рассказы о старых книгах и книжниках» (Омск, 1989 – первая премия Омской областной организации Союза журналистов СССР и Омского филиала Российского фонда культуры), «Вокруг Достоевского» и другие очерки» (Омск, 1996 – премия Администрации Омской области «За развитие культуры и искусства»), «Мой Вильям. Эпизоды литературной жизни» (Омск, 2003 и 2006), «На добрый воспомин...» К портрету А.Ф.Палашенкова» (Омск, 2005), «Разгадать замысел Бога...» Из жизни российского учёного Александра Нико-

лаевича Горбаня» (Омск, 2006), «Спасение шедевра. Письма реставратора П.Д.Барановского к А.Ф.Палашенкову» (Омск, 2006). Член редколлегий журнала «День и Ночь» (Красноярск) и альманаха «Голоса Сибири» (Кемерово), редактор альманаха «Складчина». С 1993 г. председатель Омского отделения Союза российских писателей. На IV съезде СРП (2009) избран одним из сопредседателей СРП. Член ПЕН-клуба.

Асташкин Евгений

Родился в 1955 году в Уральске. Журналист, член Союза российских писателей. Автор пятнадцати художественных книг, многочисленных публикаций в периодике. В данное время живёт в Омске. Зам. редактора газеты «Омский моторостроитель».

Прялочка-моталочка

Вновь позвали мамочку
Клевера копнить.
Вот теперь и прялочку
Можно покрутить.

На чердак по лесенке
Забираюсь я.
Напеваю песенки,
Тишину дразня:

«Прялочка-моталочка,
Скучно мне одной.
Ты не прячься, прялочка,
Поиграй со мной!..»

Бросила скакалочку –
Подберу потом;
Раскрутила прялочку,
Аж гудит весь дом.

Вижу я в окошечко:
В панике петух,
В лес метнулась кошечка...
Прялки голос глух.

«Это леший, батюшки,
Леший там шалит!» –
Слышу крики матушки.
Мне сейчас влетит!..

Вячеслав Омский

О, Бог!
Творец мой всемогущий!
Нет сил понять
твой замысел грядущий.
Свет оскудел, и воцарилось зло.
Тебе ли, мне ли так не повезло?

***

Нет правды на земле...

«...нет правды на земле,
но нет ее и выше...»
А. Пушкин

И солнце есть, и скатертью дорога...
А жизнь, как смерть – ни совести, ни Бога!

***

Интернет-зависимость как приговор

«Нэ трэба мяне гуляти
У гэтым інтэрнети.
Мяне бы працавати
У Любы у кровати».

Из материалов шестой фольклорной экспедиции
Алексия Красносельского-внука в Заинтернете.

Ты слишком поздно, кажется, хватился,
Твой с Интернетом брак уже случился...

Свой «вечный зов» испортил ты буквально,
И будешь жить отныне виртуально...

СЮЖЕТ С ХОРОШИМ ПОСТСКРИПТУМОМ

(Из цикла «БЛОГ-ПОСТ, или КРОВЬ СОБЫТИЙ»)

В теленовостях был сюжет: власти Латвии намерены закрыть Рижский театр русской драмы. Из экономии. В связи, естественно, с мировым кризисом.

Я не театрал. Но до сих пор помню лето 76-го года, гастроль этого театра в Омске. Большую часть их пропустил – меня не было в городе, но на главное событие гастролей, к счастью, попал. Речь идет о единственном (вне афиши и только по пригласительным билетам) спектакле «Утиная охота» по Вампилову. Задержись я хоть на неделю в Якутии, куда посылал меня за репортажем журнал «Сибирские огни», и этого бы события в моей жизни не состоялось...

Не буду и пытаться передать тонкости – столько лет все-таки прошло. Но до сих пор осталось в душе ощущение от потрясения. Потрясения не только (и может быть, – да простят меня люди театра – не столько) от актерского мастерства и режиссуры, сколько от открывшегося второго, третьего и бог знает еще какого смысла, внутреннего пласта вампиловского текста.

Каждый, каждый из нас, в общем-то, Зилов. В большей или в меньшей степени.

И никогда в жизни – ни до, ни после этого спектакля – не наблюдал я такого: зрители вышли из театра и долго – может быть, около часа не расходились, стояли возле театрального здания. Некоторые вполголоса разговаривали. А некоторые просто молчали... А после я несколько раз видел, как в кафе Дома актера люди подходили к исполнителю роли Зилова и благодарили – просто жали руку. (Через несколько лет мне рассказали, что этот актер, как и Вампилов, погиб. И смерть его была не менее дикой и глупой, чем у Саши, – попал под трамвай.)

И вот этот театр – один из лучших на всем огромном пространстве бывшего Союза – пытаются закрыть...

Что же касается моего знакомства с Александром Валентиновичем Вампиловым, моих встреч с ним в Иркутске и Омске, состоявшихся в 1971 году, то я рассказал о них в небольшом очерке «Саша

Людмила Шарга

Поэт, прозаик, публицист. Автор трёх сборников поэзии и прозы. Автор многочисленных публикаций в альманахах, антологиях, периодике. Лауреат IV-го и VII международных поэтических конкурсов «Пушкинская Ли́ра» (Нью-Йорк), Лауреат литературной премии им. А.Мицкевича с вручением почётного знака «Золотой Платан» (Одесса, 2006) Победитель Первого международного фестиваля «Славянские традиции» в основной номинации «Поэзия» (Крым. Щёлкино, 2009г.) Лауреат всеукраинской литературной премии им. Молодой Гвардии (2009г.) Лауреат международной литературной премии «Славянские традиции» (2010г.) Награждена почётным знаком «Писательское братство» (2011г.) Член Южнорусского Союза Писателей (ООО ВТО КЛУ МСПУ) Руководитель творческой гостиной Diligans. Представитель изданий «Интеллигент».

Неперелётная птица

Воронцовскому маяку

Неперелётная птица моя,
где твоя вотчина,
где твоя стая..
Если однажды ты петь перестанешь,
люди пути не отыщут в морях...

Через густую туманную взвесь
с моря доносится крик твой
тоскливый,
и замирают в смятенье оливы,
слушая голос нездешних небес.

За морем, знамо — другая земля:
бел-берега да смарагдовы воды,
может и правда, оттуда ты родом,
неперелётная птица моя?
Может быть, спишь ты

и видишь во сне:
птиц перелётных летят караваны
над серебристою дымкой туманной...
За морем, знамо — в диковинку снег...

Крик твой однажды услышала я...
Столько печали в том крике таятся..
и в тот же миг догадалась:
ты — Птица,
неперелётная птица — маяк.

И с той поры поселилась тоска
в сердце моём о несбывшихся странах,
и берedit задремавшие раны
птичья тревожная песнь маяка.

Ещё одну жизнь на стихи потратить...

Ещё одну жизнь на стихи потратить,
прожить её где-нибудь в... Подмосковье,
чтоб горечь осеннюю по утрам пить,
туманом приправленную и тоскою.

Иль вечером снежным —
за чашкою чая —
стихи вспоминать и читать тебе их,
подкармливая одичавших чаек,
на пристани спящего Коктебеля.

Ещё одна жизнь — без потерь, без боли.
Возможно ли,
чтобы судьба другая?
В двуречье Тарусы — вдвоём с тобою,
и только в стихах от тебя сбегаю.

Так, целую жизнь длиною в... осень,
в октябрьские две,
нет... в три недели
прожить и исчезнуть, будто вовсе
нас не было,
и давно нигде нет.

Одесса

Ни в шорохе палой листвы осенней,
ни в песне далёких морских
прибоев...
И только в стихах проступают тени
всех жизней, что выпали нам с
тобою.

За птичьим клином

Пересыпаю морской песок...

Но день, предсказанный

птичьим клином,
смешает запахи:
свежий — глины,
и горьковатый — травы иссоп.
Там будет парус звенеть — упруг,
и воздух — свеж,
и прохладны камни,

там — под проснувшимися руками —
затянет песню гончарный круг.
Благословляя на долгий путь —
к исходу лета — за птичьим клином,
в неискушённую влажность глины
вольётся тихое чьё-то: «Будь...».
О, это бремя, носить в крови
глоток божественного дыхания,
неизлечимо болеть стихами,
несвоевременно гнёзда вить
и безнадежно искать тепла,
отогреваясь средь палых листьев,
вдали от кем-то избитых истин,
не пресмыкаясь...
Не вброд, а вплавь
спешить на запах травы иссоп,
что смешан с запахом влажной глины,
к исходу лета — за птичьим клином —
чтоб обратиться в морской песок.

ДВАЖДЫ В ОДНУ РЕКУ

Мама сказала:
— Первое, что ты сделала, научившись ходить... ушла из дома.

... Я помню это. Раннее утро. Уже жарко. Веранда, увитая диким виноградом, - маленькие фиолетовые ягоды. Невкусные. На рассвете в лозе запуталась беременная летучая мышь. Ушастенькая, пузатенькая, кожаная.

Папа мышь выпутал, показал маме и мне — и выпустил. Удивленно сказал:

— Не кусалась. Почти не трепыхалась. Ждала, пока отпущу.

Я запомнила, и этой формулировкой руководствуюсь в жизни — не кусаюсь и не трепыхаюсь, жду, когда жизнь отпустит, как папа летучую мышь.

Еще запомнила, что всегда есть тот, кто распутает и отпустит, если попадешься.

Так вот, в то утро, когда мышь улетела, на мне были голубые рейтузы до колен. В них я и сошла с крыльца веранды после завтрака. Прошла вдоль кирпичей, треугольниками торчащих по краям дорожки. Мама их побелила, превратив в кружевной подзор тропинки. Вот по этой красоте с еще не порывшейся июльской травой вышла за калитку и встретила собаку. Она глянула исподлобья белыми глазами. Я опять удивилась, второй раз за утро, что у собаки глаза белые, и пошла за ней.

Сначала дорога была свободной и большой, очень яркой — вокруг небо, голубое и надетое на это все вокруг: будто я под столом стою, огромным, накрытым голубой скатертью, и она свисает до пола. Потом стало узко — зеленые края появились, и уже я не под столом, а по коридору иду за собакой, и стены коридора ветер перебирает, как листья. А собака оглядывается на меня. И я оглядываюсь. А собака за мной, оказывается. Смотрю вперед — а она впереди. Оглядываюсь — уже сзади. Так и ходим по коридору. А потом голубое исчезло, зеленое сомкнулось, круг разомкнулся. И все сгустилось.

Холодно стало. Собака села столбиком. А я на нее оперлась. Так

г.Хайфа, Израиль

Выступает поэт, бард
Семён Гендель

«ХАЙФСКИЕ ВСТРЕЧИ» - СЕРДЕЧНЫЕ ВСТРЕЧИ

и журналистов (АППА) Иры Явчуновской «Нити», перелистала в который раз и представила себе, как из своего волшебного клубка «вытаскивает» она рядки-строчки. Дай-то, Бог, чтобы этот клубок никогда не заканчивался. А рядом ещё одно уникальное, можно сказать, издание.

Это книга «Сквозь годы» Бориса Сермана, известного писателя, поэта, журналиста, правозащитника. Но главное – отца Ирины. После его ухода из жизни Ира и её мама Элиза Львовна Серман дополнили книгу воспоминаниями, стихами и очерками друзей поэта. В своеобразный вечер-мемориал вылилась тогда презентация этой книги, которая прошла прямо у нас в студии. Мы читали стихи автора, делились воспоминаниями о встрече с ним в Израиле и на крымской земле, откуда он был родом.

А вот сборник стихов «Мы будем счастливы, мой друг...» нашего поэта-лирика и барда, открытого душевного человека Семёна Генделя. На все литературно-музыкальные встречи он приходит со своей верной подругой – гитарой.

Человек-легенда есть в нашем литературном объединении. Это Тамара Ростовская (Лазерсон). Вместе со своей семьёй она в годы немецкой оккупации находилась в Каунасском гетто, где были уничтожены её родители и старший брат. Оставшиеся в живых средний брат Виктор и сама 13-летняя Тамара

шой победой? На IV Международном форуме «Литературная Вена» в номинации «поэзия» она получила не только самый главный приз, но и приз зрительских симпатий. Мы с Марией Фердман, тоже участвовавшие в этом форуме, искренне радовались Жениной победе и гордились тем, что она высоко несёт знамя русского языка, живя не в России, а в Израиле. Участие в таких международных форумах раздвигает наши творческие границы и даёт возможность печататься на многих интернетовских сайтах, в журналах и альманахах, выходящих за рубежом.

Однако вернёмся в наш уютный зал. И теперь окупёмся уже в мир музыки. Вы спросите, какое она имеет отношение к презентации альманаха? Отвечаю – самое прямое. Дело в том, что уже два известных композитора – Елена Сухенькая из Твери и Марк Зельдич из Хайфы – заинтересовались стихами наших поэтов и написали на некоторые из них музыку. Получились замечательные песни. Многие из них становятся весьма популярными. Например, песня на стихи Марины Симкиной «Отпустишь тебя», написанная в ритме вальса, или «Цыганка» и «Израильская патристическая» – на стихи Ирины Явчуновской. Приятно видеть, что на литературно-музыкальных встречах зал подпекает исполнителям. И здесь особо хочется отметить песню «Золотой Иерусалим» на Ирины стихи. Точнее – на её перевод стихов израильского поэта и композитора Наоми Шемер. Интересна история создания песни. Но о ней – отдельный разговор. Сегодня русскоязычные израильтяне вместе

с исполнителем Владом Эстриным под сопровождение скрипки Игоря Рубинчика вдохновенно поют «Золотой Иерусалим» на стихи лауреата премии «Золотое перо Руси» в номинации «перевод» Ирины Явчуновской.

Забегая вперёд, хочу передать впечатление нашей гостьи из Твери, преподавателя немецкого и французского языков, автора нескольких книг Паулины Чечельницкой о прошедшей презентации:

– В зале, – сказала она, – были и люди, не имеющие отношения к русской литературе вообще, и к поэзии в частности. Но через музыку стихи становились им понятными. Это было видно по реакции зрителей.

Мнение Паулины поддержала и руководитель литературной студии «Волны Кинерета» из Твери, поэт и писатель, филолог Любовь Знаковская. Две наши студии связывает многолетняя творческая дружба.

Совсем недавно фонотека нашей студии пополнилась новыми музыкальными произведениями. Написаны песни на стихи Марии Фердман «А женщина, рождённая в сорочке», и Елены Текс – на стихи: «Слёзы – горох», «Целуют всегда не тех» и «Огонь любви».

Стихи, стихи – они, конечно, занимают главное место в творчестве студийцев. На своих занятиях мы всякий раз слышим что-то новое, обсуждаем, спорим... Реже нас хвалят, чаще – не то, чтобы критикуют, а подсказывают, поправляют, советуют. И это нормально. Обид не бывает. С прозой – сложнее. Двух часов занятий недостаточно для того, чтобы послушать рассказ и обсудить его. Тогда на помощь приходит интернет. Мы пересылаем друг другу тексты, и обсуждение идёт по скайпу. Ну, что ж, это тоже форма творческого общения. И, надо сказать, не самая плохая.

Неверным было бы не назвать авторов альманаха, творчество которых представлено прозой. Это Тони Барлам. Его увлекательное повествование об истории Хайфы открывает альманах, Это Александр Вильшанский, Тамара Ростовская, Лина Селицкая, Марина Симкина, Марк Тверской (он же прекрасный пародист), Мария Фердман. Кстати, в нынешнем году Мария, а также поэт и художник Михаил Левин (кстати, художественное оформление альманаха – его) и автор этих строк были приняты в Международный Союз литераторов и журналистов (АППА). Это событие, как, впрочем, и многие другие, связанные с творчеством, и не только с ним, отмечаются в коллективе. Потому что мы и в радости – вместе. Не случайно же наша студия называется «Анахну» («Мы»).

Лариса МАНГУПЛИ
спежкор АППА в Израиле

Ольга Пильщик

Сыроежка

Я – сыроежка в шляпке розовой,
Я спряталась в тени березовой.
А рядышком растут трилистники,
И мы беседуем о мистике,
О красоте земной и радости,
Об алой земляничной сладости.
Я рядом с заячьей капустою
Себя лесной царевной чувствую.
Среди травы в зеленой чаще я
Расту прохладная, хрустящая.

Елена Текс

Когда уйдем из жизни в мир иной
И ангелы нас увлекут в объятия,
Поэта рубище – единственное платье-
Мы сменим на заслуженный покой,
Оставив в одиночестве ветшать
Тяжелые от слов свои тетрадки.
Быть может, кто-то, заглянув украдкой
В них, тихо скажет: «Надо так писать!»
Когда уйдем из жизни...

А сейчас,
Как можем, пишем новые «нетленки»,
Чтоб критик словом пригвоздил
нас к стенке
И отодвинул в Легу славы час.

Михаил Левин

В плавниках кимоно
ручейком проплывает японка,
Невесомее ветра,
несущего шарик пинг-понга.
Скольжение взгляда её
объяснить невозможно,
Словно чёрные вишни
в окно заглянули тревожно.

Сквозь металл и бетон,
и железные мышцы рассвета
Проплывает она,
чуть качаясь на веточке лета.

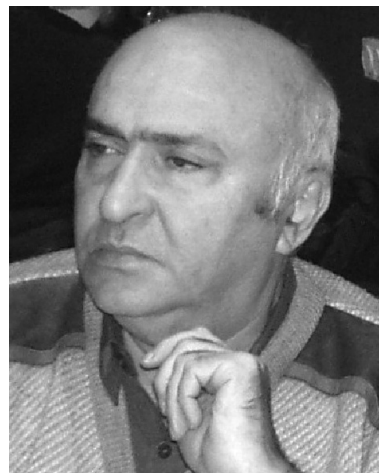
Семен Гендель

Потрескивают искры у камина,
Вином пурпурным светится хрусталь.
Свеча, сгоревшая наполовину,
Роняет воск и тени на рояль.

Снимаю с клавиш лёгкую накидку,
Раскрашиваю музыкой слова,
Из ауры невидимой ниткой
Сплетаю над тобою кружева.

Серебряные струны задрожали
И возвращают из небытия
Исчезнувшую в юношеских далях
Романтику, где были ты и я.

И, раздвигая временные грани,
Я выкраду у юности своей
Накал страстей, которыми был ранен,
Чтоб стать сегодня чуточку мудрей.

Марк Тверской

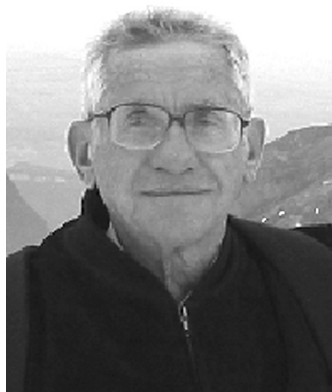
Чёрный кот

В нашей комнате чёрный кот.
Сквозь окно не струится свет.
То не кот, наверно, а черт,
В нем ни капли совести нет.
Он царапает шкаф, нахал,
Решено, как видно, судьбой,
Чтоб дорогу перебежал
Этот чёрный кот нам с тобой.
И с тех пор не жизнь — маета,
И полно излишних забот.
Гнать бы надо взашей кота,
Только жаль — ни за что пропадет.

Мария Фердман

Никому не желаю зла,
Но любить не могу Козла
За рога его, за бородку,
За его кривую походку.
А жена у Козла — Коза.
У нее смеются глаза.
Не качает она права,
У нее вся еда — трава.
У нее детей полон дом,
Всех поит она молоком
Лишь один у Козы облом —
Ей приходится жить с Козлом.

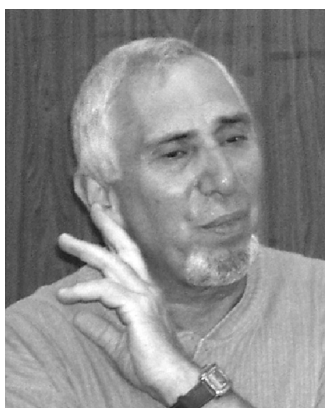
Абрам Эленбоген

Не напрасно стучал головою о лёд,
Наступал то и дело на грабли,
Я сегодня узнал, в мою гавань зайдёт
Долгожданный, любимый кораблик.

Я открою бутылку сухого вина,
И под скрипки шемающие звуки
Пронесутся часы жаркой ночи без сна,
Сладко-горькой в преддверье разлуки...

Тусклый, серый рассвет...

Мы стоим у окна
Отрешённо, безмолвно, в дурмане,
И по каплям из вен вытекает весна,
И вновь грабли маячат в тумане.

Юрий Лейдерман

Что прячет дождь, или кого он прячет,
Как темный лес, как занавес для пьес?
Он струны рвет, да так,
что сердце плачет

И просит снисхожденья у небес.

И женщина под этим пьяным ливнем
И пьяная, и легкая, как дым,
Обнимет клен объятием счастливым,
Как будто мужа, был бы он живым.

И стриженные наголо пригорки —
Солдатские нахмуренные лбы,
Страна моя, здесь даже воздух горький
И грустное дыхание судьбы.

Лариса Мангули

ЗВЁЗДОЧКА ИЛЬИЧА

Из школы сын вернулся понурый.
- Что случилось, Андрюша? - спросила я.
- Я тройку по арифметике получил. Теперь меня в октябрю не примут.

Сын разрыдался и закрылся в своей комнате.

22 апреля, в очередную годовщину со дня рождения Ленина, школа принимала первоклассников в октябрю. К тому времени Андрей успел исправить свою тройку и вместе с другими ребятами готовился к этому важному событию.

И вот долгожданный день наступил. Собирая сына на торжественную линейку, я открыла заветную коробочку, где с некоторых пор хранилась звездочка с профилем Володи Ульянова.

Коробочка, к моему удивлению, оказалась пустой. Андрюша молчал, опустил голову. Мы тут же вместе с ним пошли и купили новую. Через несколько лет сын мне признался, что сам тогда выбросил звездочку:

- Знаешь, я никогда не любил Ленина.

- Почему?

- Нам в школе говорили, что Володя Ульянов по утрам вставал очень рано, делал зарядку, и мы должны брать с него пример. А мне так хотелось утром еще немного поспать...

г. Знаменск

Татьяна Леухина

Кузьмич

Утреннее шоссе, остывшее за ночь и вымытое коротким июньским дождём, было пустынно. Лишь изредка проносились большегрузные машины, увозящие к северу первые южные овощи и фрукты, да ещё реже торопились дачники на своих «копейках» и «шестёрках». Они сворачивали на просёлочную дорогу, по которой уже тянулись по одному старики да старухи с лукошками и ведёрками, доверху наполненными яблоками, грушами и местными абрикосами, мало напоминавшими азиатские или крымские — потому и стоили они дешевле — правда, вкуса они были отменного, с лёгкой горчинкой, сочные и душистые. Частенько вместе с другими хаживал по этой дорожке и Кузьмич. Вот и сегодня он брёл, как всегда, одним из последних. С трудом передвигая ноги, дедок тащил за собой самодельную деревянную тележку с колёсами от детской коляски, нагруженную дарами своего и соседского сада. Внизу, на сетке у самой земли, замотанные в большую мокрую тряпицу, копошились раки, а на ручке висела солидных размеров вязанка с вяленой рыбёшкой. Когда переставали ныть ноги, Кузьмич целые дни проводил на озере, где на удочку ловил рыбу и ставил раколовки. Сверху он привязал табурет на толстых коротких ножках, чтобы было на чём сидеть — ноги-то совсем не держали. Пока старик добрался до шоссе, лучшие, с его точки зрения, места были уже заняты, и его односельчане разложили свой товар по обе стороны тракта.

С полвека тому назад добротные деревянные дома сельчан стояли прямо у шоссе, тогда ещё не асфальтированного, а состоявшего из отдельных бетонных плит, видимо, кем-то забракованных, так как были сплошь покрыты трещинами и выбоинами.

Просёлочная же дорога, то и дело посыпавшаяся сельчанами галькой, шлаком и мелко битым шифером, шла вправо с полверсты — это и была центральная улица села, вдоль которой тянулись далеко отстоящие друг от друга дворы, застроенные небелеными мазанками, в которых располагались летняя и зимняя кухни — так здесь принято, — а жилые дома продолжались высокими заборами из плотно прилаженных друг к другу досок. В каждом дворе обязательный баз, так как прежде семьи держали многочисленную скотину.

На задворках разбивали сад и распахиывали огород.

Повернув ещё раз, улица сползала вниз, к оврагу, растекаясь ручейками маленьких узких переулочков, где дома были поменьше, словно наполовину вросшими в землю, однако, у них было одно явное преимущество: летом в них прохладно, а зимой дольше держалось тепло.

Облик села давно изменился, и о былом помнят лишь старожилы да напоминают разрушенные фундаменты домов и кое-где торчащие почти из земли полуразвалившиеся печные трубы. Всё заросло мощной травой, почему-то в здешних местах именуемой американкой, — порой она бывает в полтора и более человеческих роста высотой.

От прежнего посёлка осталось лишь два десятка убогих домиков в самом низу, ближе к озёрцам, коих здесь множество. Часть зданий покосилась; обломались или сгнили резные ажурные украшения с

фасадов и ставень. Заборы залатаны фанерками от посылочных ящиков, а где и вовсе отсутствуют — их заменили изгороди, сплетённые из ивовых прутьев или прибрежно-го чакана. Почти у каждого домика — врытая в землю скамейка для вечерних посиделок стариков. Крыши, по большей части из шифера, почему-то сплошь зелёные, словно покрытые мелким бархатистым мхом.

В самом центре старого села остались два дома с фасадом из красного кирпича, наполовину разбитого и осыпавшегося. Проемы окон в них, словно пустые глазницы, не застеклены, крыльцо каждого разобрано по кирпичику. На одном — двери крест-накрест заколочены досками, на другом — висят на единственной ржавой петле. На здании, что побольше, сохранилась вывеска: «Читальня». На том, что поменьше, по оставшимся буквам: «М.п.л.кт» угадывается «Медпункт».

После каждого мало-мальски приличного дождя бывшая центральная улица села, а ныне просёлочная дорога, расквашивается так, что становится проходимой лишь для трактора. Правда, старики говорят, что по осени и те, застряв в колее, при попытке выбраться из неё, нередко заваливаются на бок, погружаясь в жирную суглинистую жижу — потом его всем миром оттуда вытаскивают.

...Но в эту ночь дождик лишь покапал, едва прибавив столь обильную в здешних краях пыль к земле. В поисках удобного и свободного места для торговли Кузьмич, мелко перебирая ногами, облачёнными в холщёвые полосатые порты и обутыми в высокие калоши, расположился у остановки пригородного автобуса, спрятавшись за бетонной стеной на случай, если начнётся жара, которая к полудню в июле обычно бывает нестерпимой, расплавляя асфальт и изнуряя тело.

Часам к девяти шоссе ожило: один за другим проезжали по нему автомобили, всё больше с иногородними номерами. Местные знали почти наверняка, какие машины притормозят у обочины, а какие проедут мимо. Если это авто с номерами: 77, 99 или 50, что из Москвы и Московской области, то их владельцы обязательно начнут торговаться, будут до смешного сбивать цену, да и купят-то всего-ничего. А вот северяне, — те о цене редко спрашивают, а закупают всё ведрами, аккуратно раскладывая купленное в заранее приготовленные в багажниках и прицепах ящики.

Сегодня Кузьмичу повезло — какой-то проезжий оптом взял у него два ведра раков и вязанку тарашки, выложив шесть сотен, а это, почитай, полпенсии. Кроме того, за двадцатку он уговорил старика продать лукошко груш Бере, коими старик гордился — ни у кого в округе таких не было. Они с отцом грушу ту ещё в сорок седьмом, сразу после войны, посадили: «Всё ещё плодоносит, чертяка», — нередко хвастал старик. И, что самое удивительное, плоды её не вяжут даже тогда, когда не вызрели, и хоть урожай дают через год, но всегда обильный, грушка — к грушке, без червоточин, все ровненькие, похожие на крупные яблоки в мелкий жёлтый горошек, словно кто их обсыпал луговой кашкой.

«Подфартило те, Кузьмич», — бросила с завистью бабка Матрёна, что торговала чуть поодаль, расставив пластмассовые бутылки из-под минералки, наполненными топлёным коровьим и козьим молоком рядом с двумя ведрами, наполненными абрикосами. На старой пожелтевшей газете, которую старушка постелила прямо на землю, лежало несколько вязанок крупной, жирной вяленой чехони. «Ты вот что, дед, пого